

В.А.Ткаченко

Гайанская трагедия 1978 г.

Факты и вымыслы. Современный взгляд

В статье анализируются истоки и мотивы возникновения американской религиозно-благотворительной общины «народный храм», причины и последствия массовой гибели в сельве Гайаны ее членов, основавших там на коммуналистских началах свободное и не зависимое от официальных властей США поселение. На основе конкретных фактов подтверждается прямая причастность к этой трагедии американских спецслужб.

Ключевые слова: «народный храм», Джим Джонс, США, Гайана, Джонстаун, пропаганда, «холодная война».

18 октября 1978 г. в джунглях Гайаны трагически погибли американские граждане: обосновавшиеся там члены гонимой на родине секты «народный храм», 260 их детей, конгрессмен Лео Райан и сопровождавшие его три журналиста — всего 918 человек. Эта ошеломляющая весть мгновенно облетела земной шар, вызвав в американских и мировых СМИ шквал комментариев, догадок и предположений как о сути и причинах обстоятельств происшедшего, так и относительно действующих лиц и исполнителей этого чудовищного акта.

По известному и неоднократно используемому шаблону «негодующий перст» Вашингтона и его союзников за рубежом немедленно был направлен в сторону Москвы явно с целью снять всякую ответственность с США за массовую гибель их людей и одновременно переложить ее на Советский Союз и его дипломатическое представительство в Джорджтауне. Суть этих, мягко говоря, надуманных обвинений сводилась к тому, что наше посольство, якобы сбив с толку членов «храма» коммунистической пропагандой и обязавшись содействовать их переезду в Советский Союз, в последний момент неожиданно приостановило всякие действия на этот счет, что вызвало шок среди «сектантов» и в совокупности с «религиозным фанатизмом» и некоторыми другими обстоятельствами спровоцировало их «массовое самоубийство».

Виктор Александрович Ткаченко — кандидат политических наук, академик РАЕН, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке; в 1975—1979 гг. — руководитель группы по созданию советского посольства в Джорджтауне, временный поверенный в делах СССР в Гайане.

Позднее в Соединенных Штатах и в Западной Европе на данную тему вышло немало книг. В них была описана эта жуткая история с искажениями, даны ее различные интерпретации и толкования, а также приведены «пикантные» подробности биографии самого лидера «народного храма» Джима Джонса (полное официальное имя — Джеймс Уоррен Джонс). Но не содержалось всестороннего и полноценного анализа случившегося, детального рассмотрения истинных причин и мотивов, приведших к чудовищной катастрофе, подобных которой, по признанию многих специалистов, не случалось за всю современную историю.

В свою очередь, тогдашние публикации по горячим следам в советской прессе либо воспроизводили в том или ином виде американскую версию случившегося, либо были слишком политизированы, что естественно в условиях ожесточенного идеологического противоборства двух социально-экономических систем. И только изданная в Москве через девять лет после этого события книга «Гибель Джонстауна — преступление ЦРУ» с послесловием видного латиноамериканиста, члена-корреспондента АН СССР И.Р. Григулевича в значительной степени пролила свет на данную трагедию, расставила ряд важных точек над «i»¹. С тех пор почти в каждую годовщину гайанской драмы в США появлялись соответствующие публикации, в которых данное событие скороговоркой упоминалось только как массовое самоубийство, естественно, в привязке к советскому посольству, и ничего более.

В связи с 30-летием этой гуманитарной катастрофы подавляющее большинство американских СМИ ограничилось поминальными сообщениями и кратким изложением церемонии возложения цветов к еще не достроенному в Калифорнии мемориалу «Жертвам массового самоубийства», а также пересказом продолжающейся публичной полемики о том, всех ли погибших надо поименно упоминать на гранитной плите и не стоит ли исключить из этого мартиролога «главного виновника» трагедии Джима Джонса². Лишь отдельные периодические издания, радиостанции и телеканалы опубликовали более подробные материалы на эту тему да и то в прежнем ключе, не добавляя ничего принципиально нового. В них, как и раньше, о чем уже приходилось писать³, в значительной степени повторяется первоначальная версия о «массовом самоубийстве религиозных фанатиков», демонстрируется якобы сугубо объективистский подход, отсутствуют социально-политические, правовые и нравственные оценки случившегося, затушевываются подлинные причины и истинные виновники чудовищного злодеяния, вновь предпринимается попытка бросить тень на деятельность в тот период посольства СССР в Гайане⁴.

Что же в действительности скрывается за гайанской трагедией? Почему она произошла? И можно ли было ее предотвратить? Попытаемся разобраться в этих вопросах, в том числе с учетом новых фактов и данных.

Согласно различным источникам, «народный храм», наминавший по форме религиозно-сектантскую общину, коих в США и в прошлом, и сейчас немало, был создан с согласия американских властей и официально зарегистрирован в 1956 г. в городе Индианаполис (штат Индиана) — в тот период цитадели расизма и ку-клукс-клановского беспредела — 25-летним преподобным Джимом Джонсом на базе местной негритянской коммуналистско-протестантской унитарной церкви, проповедовавшей так называемый «апостольский социализм». Это произошло еще до возникновения массового движения

Лидер «народного храма» Джим Джонс

сти, и получали его. Умение белого священника общаться на одном «языке» с забитыми и потерянными прихожанами, понимать их, вселять в них веру и надежду объяснялось его собственным трудным детством, стоицизмом в преодолении жизненных невзгод и препятствий.

Родившись в провинциальном городке Среднего Запада в семье безработных и рано осиротев, Джим в условиях жесточайшей депрессии 30-х годов прошлого века с малолетства познал нищету, бесправие, несправедливость. Будучи одаренным, он рано научился читать, упорно работая и участь, сумел получить прекрасное духовно-гуманитарное образование. Обладал феноменальной памятью, легко запоминал целые главы из церковных и других книг. Уже в ту пору круг его интересов был весьма широк. С вниманием следил он за ходом Второй мировой войны. Глубокое воздействие оказали на Джима сообщения о мужестве и стойкости ленинградцев, о разгроме немцев под Сталинградом, о взятии Берлина Красной Армией. В результате у него возник особый интерес к СССР, его общественному и государственному строю. Он прочитал биографию Ленина, труды классиков марксизма. Его впечатляли успехи Советского Союза в хозяйственном и культурном строительстве, в освоении космического пространства.

Со временем у Джима проявился талант красноречия, он стал блестящим оратором. Ему приписывали стремление к мессианству. Однако, по словам близко знавших его людей, в том числе жены Марселины, это воспринималось им самим, скорее, как предназначение не властвовать над душами и умами людей, а уметь избавлять их от тяжких дум, жизненных невзгод и страданий.

Джим в проповедях и беседах легко располагал к себе белых и цветных, поража́л их своей простотой, искренностью, участливостью. Известно немало примеров на этот счет. Так, став помощником пастора главной методистской церкви в Индианаполисе, предназначенной только для белых, Джонс сразу же начал обходить дома негров и приглашать их на молебен. А когда заметил, что те жмутся в темных углах храма, предложил им занять передние места. После той службы чрезвычайный церковный совет резко осудил подобные действия. Джонсу прямо было заявлено: построишь свою церковь, там и будешь вести

чернокожих за свои права во главе с Мартином Лютером Кингом, решительных выступлений Анжелы Дэвис, отчаянных силовых акций разгромленных впоследствии властями военизированных организаций «черные пантеры» и «новые левые».

Прихожанами новой общины, для вступления в которую достаточно было посетить пять-шесть богослужений, стали в основном безработные, малоимущие, обездоленные и бесправные негры, не имевшие никакой возможности улучшить свою жизнь. В молитвах и исповедях они были предельно откровенны и наивны, ожидая хотя бы малейшего облегчения тяжелой уча-

службу для черных, на что он ответил: «Любая церковь, где я стану пастором, будет открыта для прихожан всех рас», и покинул этот приход. В другой раз, когда серьезно заболевшего Джонса доставили в больницу, он позволил себя осмотреть только после того, как по его настоянию сначала обследовали ожидавших своей очереди нескольких негров, и потребовал, чтобы его разместили не в палате для белых, а в той, в которой находились чернокожие⁵.

С расизмом во всем его отвратительном облики семья Джонсов столкнулась в 1959 г., когда погибшую под колесами автомобиля их приемную дочь-корейку пришлось хоронить на кладбище, отведенном для цветных, — в низине, где всегда скапливалась вода⁶.

Джим предпочитал, чтобы к нему обращались только по имени, как члены семьи друг к другу, без религиозных титулов и эпитетов. Зная его столь искренний, неподдельный настрой, простые люди независимо от цвета кожи тянулись к нему, чтобы получить утешение или совет. И он оправдывал их ожидания.

Став полноправным священником и получив приход после многих мытарств, Джонс с головой окунулся в работу на благо своей разнородной и многорасовой паствы. Он организовывал сбор средств в пользу остро нуждающихся, содействовал трудоустройству безработных, созданию пунктов питания для нищих, приютов для бездомных...

Первые успехи окрылили его. На поступающие все более крупные добровольные пожертвования и доходы он расширяет масштабы материальной помощи, арендует и приобретает дополнительные помещения для организации филиалов «народного храма» в соседних районах и штатах, вербует новых приверженцев своего учения. Для лучшего руководства разрастающейся общиной Джонс создает совет из семи преданных ему единомышленников, обязанность которых — участвовать в справедливом распределении денежных средств и материальных благ, всячески содействовать развитию мелкотоварного производства и кустарных ремесел с участием прихожан, повышая их конкурентоспособность.

Естественно, активизация деятельности Джонса стала вызывать недовольство и все более жесткое противодействие со стороны клерикалов, кулуксклановцев, членов общества «Правá белого населения», других расистских организаций и групп. Последовали неприкрытые угрозы. В местных СМИ начали появляться компрометирующие «храм» и его руководителя публикации. В действительности же, как явствовало из высказываний независимых очевидцев, неоднократно посещавших общину, она представляла собой не авторитарную секту, а многорасовую религиозно-благотворительную организацию, преследовавшую сугубо гуманитарные цели и задачи и опиравшуюся исключительно на духовно-нравственные принципы.

К тому времени существенно изменилось и политическое мировоззрение самого Джонса. Работая в больнице еще до создания «храма» и учась в университете, он увлекся идеями Мао Цзедунa, считая его самым великим человеком на Земле. Собственные взгляды на этот счет Джонс пытался привить своей пастве, близким друзьям, будущей жене Марселине. Но в дальнейшем при более углубленном ознакомлении с идеями «великого кормчего», а главное — с методами их претворения в жизнь путем «большого скачка», «культурной революции», других насильственных мер и действий, Джонс отверг маоизм как философию и практику. Разочаровался

он и в кубинском варианте социализма, побывав на Острове свободы, хотя по поручению Ф.Кастро ему там был оказан весьма теплый прием.

Так Джонс вновь повернулся в сторону СССР. У него возникла идея основательно изучить и перенять опыт строительства нового, коммунистического общества в Советском Союзе и осуществить аналогичный проект на практике пока только в масштабах своей общины, а затем, если удастся, постепенно распространить его и на другие приходы. Соответственно, изменились методология и содержание его проповедей. От изложения чисто религиозно-нравственных догм и заповедей он перешел к просветительству, общественно-политической и социальной проблематике. Используя упрощенный протестантский культовый обряд, Джонс убежденно и бескомпромиссно осуждал расовый антагонизм, излагал способы его преодоления, прежде всего на основе равенства и интеграции, решительно разоблачал взяточничество, коррупцию, лицемерие. Объектом его резкой критики были военно-промышленный комплекс, финансовые спекулянты, продажные политики, агрессивные действия Соединенных Штатов на международной арене. Устраиваемые по пять-шесть раз в неделю его выступления собирали огромные аудитории, особенно на площадях и в парках (до 3-4 тыс. человек, причем больше половины из них, как правило, были чернокожие) и производили сильное впечатление на присутствовавших.

Весьма острыми и откровенными были ответы Джонса на вопросы публики. Так, проблемой номер один американского общества он считал апатию: каждого интересует только свое собственное дело. Именно по этой причине, на его взгляд, ЦРУ удастся, не встречая противодействия, субсидировать деспотические режимы в различных частях света, «что стимулирует рост нацизма и создает условия для появления в США фашизма»⁷. Джонс не скрывал своего негативного отношения к власти: «Я нахожусь в состоянии войны с системой, которая придает наибольшую ценность вещам и деньгам, а не человеку, не занимается решением проблем гражданских прав, расовой справедливости, укрепления мира»⁸. Он не любил роскошь, сторонился ресторанов: «Мне там не по себе, когда другим голодно»⁹. Самокритично относился и к своей деятельности: «Вина моя в том, что налоги, которые платит община, идут на поддержку профашистских режимов»¹⁰.

Лидеру «храма» удалось добиться отмены сегрегации в целом ряде общественных учреждений, ресторанов и больниц. При этом Джонс стремился к тому, чтобы представители правящей верхушки полностью осознавали особенность жизни негритянских масс, были осведомлены об условиях их существования и проблемах, с которыми они сталкиваются.

Разумеется, на территории США задуманный им эксперимент эволюционного совершенствования общества исключался по определению. Уже и без того у Джонса насчитывалось немало недругов, недовольных либо возмущенных активизацией его миссионерской деятельности и тем более пропагандой «чуждых и враждебных Америке взглядов и идей». В силу этих и ряда других причин, а главное в целях сохранения и продолжения деятельности «храма» Джонс в 1965 г. переехал в Калифорнию.

В начале 1970 г. филиалы общины действовали в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, других городах американского Запада. По имеющимся сведениям, это была уже более солидная в финансовом отношении структура. Она насчитывала в общей сложности около 15 тыс. членов, располагала бесплатной поликлиникой, физиотерапевтическим отделением для престарелых и инвалидов, профилакторием для лечения наркоманов, приютом из четырех зданий, в каж-

дом из которых под постоянным присмотром проживали от 10 до 25 одиноких бездомных стариков, бесплатной юридической консультацией. Почти две сотни активистов «храма» регулярно курсировали на общинных автобусах между малыми и отдаленными населенными пунктами вокруг Сан-Франциско и Лос-Анджелеса с целью оказания помощи малоимущим и нуждающимся. В то же время сотни других членов «храма» по собственному желанию безвозмездно проводили в свободное время другие благотворительные акции. Было налажено издание еженедельной газеты «Пиплз форум» тиражом в несколько сот тысяч экземпляров¹¹. Имея одного собственного сына, Джонс с женой усыновили восемь детей разных национальностей и рас. Этому примеру последовали многие другие семейные пары общины.

Возможностями влияния Джонса на простых людей умело воспользовались местные политики, уговорив его в обмен на «нейтралитет» со своей стороны посодействовать путем соответствующей агитации избранию нужных людей в органы власти штата. И когда по призыву лидера «храма» активное участие его сторонников в ходе трудных выборов 1975 г. мэра Сан-Франциско принесло победу либеральному демократу Джорджу Москоне, последний назначил Джонса председателем городской комиссии по правам человека, а затем — по жилищным вопросам. При этом Джонс продолжал активно руководить своим детищем — общиной.

В следующем году после выдвижения Уолтером Мондейлом своей кандидатуры на пост вице-президента США от демократической партии в его самолет в качестве консультанта для встреч с избирателями западных штатов пригласили Джонса, который блестяще справился с этой задачей. Ему удалось собрать и один из наиболее многочисленных митингов для выступления супруги претендента на высший государственный пост Розалин Картер. Джонс был и среди самых именитых гостей на официальном обеде в ее честь в гостинице «Стэнфорд корт». Все это дало возможность руководителю общины довольно скоро установить контакты с губернатором Джерри Брауном, его заместителем, целым рядом депутатов и чиновников местных законодательных и исполнительных органов. И вновь он действовал так лишь для того, чтобы представители правящей верхушки лучше узнали жизнь негритянских масс, поняли условия их существования, проблемы, с которыми они сталкиваются, и помогли их решить. В адрес Джонса поступили письма с выражением благодарности и признательности за проделанную им полезную работу от тогдашнего сенатора Хуберта Хэмфри, других государственных, политических и общественных деятелей США¹². В сентябре того же года в честь Джонса был устроен благотворительный обед, собранные средства от которого целиком пошли в общий фонд помощи нуждающимся.

Естественно, такая деятельность и растущий публичный авторитет главы «храма» пришлись не по душе местным реакционным политикам и воинствующим расистам. О нем и его организации вновь поползли всякого рода слухи и сплетни, чудовищные измышления, последовали прямые угрозы как лично ему и членам его семьи, так и другим активистам общины, что с большой охотой и злонамеренностью тиражировали обслуживающие власть американские СМИ. Немало сил прилагало и ФБР, чтобы выявить источники денежных средств «храма», определить степень возможного нарушения им и его руководителем действующих законов на этот счет. Государственные учреждения начали препятствовать выдаче пенсий и пособий членам общины. Многие ее активисты были арестованы или ликвидированы физически. Представители же

Поселение Джонстаун

материальная помощь нуждающимся могут удовлетворить только самые насущные потребности человека, обеспечив лишь его выживание, а этого отнюдь недостаточно для полноценной жизни и гармоничного развития личности. Более того, такое состояние начинает порождать иждивенчество и паразитизм, что в конечном итоге ведет к деградации личности. Но трудоустройство всех нуждающихся либо организация для них какого-нибудь крупного производства в тот период и в тех условиях напрочь исключались.

В создавшейся ситуации после неоднократных и длительных обсуждений Джонс и его ближайшие сподвижники пришли к общему выводу о необходимости поиска «земли обетованной» и переезда туда всей общины. Выбор пал на Гайану, хотя рассматривался и бразильский вариант. Почему предпочтение было отдано именно Гайане? Как потом поясняли в частных беседах с нами сам руководитель и другие представители «народного храма», причин несколько. Во-первых, Джонс, ранее побывав в ряде латиноамериканских государств, вынес о Гайане в целом более приятные впечатления, принимая во внимание, в том числе, языковую общность, межрасовую и межэтническую толерантность, демократическое устройство общества в отличие от превалировавших тогда на континенте военно-диктаторских или авторитарных режимов, в той или иной степени зависимых от Вашингтона. Во-вторых, с октября 1974 г. по инициативе Джонса в Гайане уже находилась передовая группа с целью подготовки «плацдарма» на случай частичной или полной эвакуации из США членов общины. (Кстати, первые переселенцы как раз и назвали строившийся ими поселок Джонстауном в честь своего лидера и официально зарегистрировали его под таким наименованием.) В-третьих, там уже существовала секта черных иудеев «израильский дом», которую возглавлял покинувший США раввин Э.Вашингтон и которая вполне уютно чувствовала себя на гайанской земле. В-четвертых, климат Гайаны весьма близок к калифорнийскому, что облегчало физическую адаптацию переселенцев. В-пятых, Джонс как пацифист и гуманист был убежден в том, что в случае мировой термоядерной войны, угроза которой в тот период весьма серьезно нависала над человечеством, в далекой южноамериканской стране у его общины, за которую он нес полную ответственность, было больше шансов уцелеть, нежели в США. В-шестых, правительство Гайаны, в то время возглавляемое темнокожим премьер-министром Ф.Бернхэмом, официально провозгласило программу социально-экономических преобразований с целью построения «кооперативного социализма», что в целом отвечало коллективным устремлениям членов общины и было созвучно их помыслам.

В свою очередь, гайанское руководство, давая согласие на передислокацию «народного храма», судя по всему, преследовало собственные интересы. Поскольку никаких официальных разъяснений на этот счет не было, в местном дипкорпусе исходили из следующего. В стране, территория которой была при-

политической элиты, которым Джонс содействовал в избирательной кампании, либо не захотели, либо не смогли ему помочь. Лидеру организации четко дали понять, что ее дальнейшее пребывание в США нежелательно.

К тому времени, правда, Джонс сам пришел к осознанию того, что бесконечная благотворительность и

мерно на 30 тыс. км² меньше, чем Великобритании, население насчитывало менее 830 тыс. человек, причем четверть его проживала в столице, а вследствие вялотекущей эмиграции оно постепенно сокращалось, отдельные районы вообще были безлюдны. Кроме того, на некоторые части территории претендовали соседние Бразилия, Венесуэла и Суринам, проблемы делимитации и демаркации границ с которыми на отдельных участках оставались неурегулированными. Поэтому любой приток иммигрантов в страну приветствовался. Играл свою роль и политический фактор. При 32% афрогайанцев от общего числа жителей их партия — Народный национальный конгресс (People's National Congress, PNC) — с большим трудом сохраняла статус правящей, в то время как Народная прогрессивная партия (People's Progressive Party, PPP), представлявшая более 50% проживавших в стране индогайанцев, в течение ряда лет оставалась оппозиционной. Дополнительный же приток негров из США благодаря даже их частичной ассимиляции или принятию некоторыми из них гайанского гражданства (в отношении чего существовала упрощенная процедура) мог несколько укрепить позицию PNC. В случае пограничных конфликтов или иных территориальных притязаний со стороны соседних государств не исключалась также возможность привлечения американских вооруженных сил под предлогом защиты своих граждан, а, следовательно, и гайанских владений. Вероятно, в связи с подобной сделкой между обеими странами были достигнуты и какие-то иные договоренности. Нельзя сбрасывать со счетов и стремление американских правящих кругов как можно быстрее избавиться от надоевшей им общины, без чего плавный и хорошо организованный переезд значительной части членов «народного храма» был бы нереален. Куратором этого проекта с гайанской стороны назначили заместителя премьер-министра, генерального секретаря PNC темнокожего П.Рида.

Местные власти выделили для создания поселения территорию размером в 3824 акра в абсолютно необжитом районе посреди непроходимых джунглей в северо-западной части страны. Освоение этой земли происходило достаточно быстро, организованно и рационально. Отправив основную часть прихожан в Гайану, Джонс в 1977 г. переехал туда и сам.

Постепенно община приобретала вид хорошо организованной коммуны (нередко официально и в прессе ее называли сельскохозяйственным и медицинским кооперативом), в составе которой находились немало высококлассных специалистов. Три четверти переселенцев составляли афроамериканцы, остальные были представителями других рас и наций. Руководящим органом общины являлся демократически избираемый центральный комитет в составе 50 человек. Основные решения принимались большинством голосов поселенцев, в срочных случаях — членами ЦК. По свидетельству неоднократно бывавших там по приглашению руководства «храма» сотрудников посольства СССР в Гайане, в частности, консула Ф.М.Тимофеева и врача Н.М.Федоровского (ныне — доктор медицинских наук, профессор), а также аккредитованных в Джорджтауне дипломатов из соцстран, в масштабах отведенной территории уже были обобществлены земельные, лесные и водные угодья, осуществлена полная электрификация, завезены необходимые техника, оборудование, средства и орудия производства. Поражали их обилие и разнообразие, высокая производительность труда, в том числе на лесоповале, деревообработке, строительстве помещений и дорог. «Храму» принадлежали два небольших судна. Было налажено выращивание злаков, овощей и фруктов, а также разведение домашних

животных и птиц с соответствующей переработкой получаемой продукции и ее реализацией.

По заверениям представителей общины, в поселении не было боевого оружия. Имелись лишь 15 охотничьих ружей, некоторое количество арбалетов для охоты на лесную дичь и лесных кабанов, а также приспособления для отпугивания хищников и ядовитых змей. Этот факт подтверждали и гайанские власти.

Практиковался всеобщий и обязательный труд согласно специальностям, профессиям и способностям каждого. Престарелые, больные и дети находились на особом положении. Распределение благ, результатов деятельности, продуктов питания и услуг осуществлялось по потребностям и склонностям. Каждой семье выделялся домик со всеми удобствами. Для холостяков были предусмотрены уютные комнаты с необходимым набором услуг. Имелись клуб с кинозалом, отдельные помещения для отдыха и развлечений, спортивные площадки, плавательный бассейн, обустроенный детсад, который работал на основе принципов советского дошкольного воспитания. Между членами общины поддерживалась круглосуточная радиосвязь с помощью портативных переговорных устройств. В школе, официально зарегистрированной в соответствии с местным законодательством, при полном комплекте соответствующей мебели, оборудования, учебных материалов, пособий и книг наряду с другими дисциплинами велось преподавание русского языка, а в старших классах — и основ марксизма-ленинизма. Действовал медпункт, укомплектованный необходимой современной медицинской техникой и оборудованием, во главе с дипломированным врачом. Велась лабораторная работа, связанные с тропическими заболеваниями и методами их профилактики. Имелось несколько палат для стационарного лечения больных. Ежедневно работала столовая, где искусные повара обеспечивали всех разнообразным питанием. Продолжалось издание общинной газеты. Круглосуточно действовала собственная радиостанция. Она не ограничивалась приемом музыкально-информационных программ, но передавала прямые сообщения и обращения коммунаров к своим родственникам и друзьям в США и в других странах. При отсутствии в ту пору в Гайане телевидения община имела собственное спутниковое телевидение. Наименования улиц поселка имели привычные для нас советские названия: Ленина, Свободы, Октябрьской революции... Бросалось в глаза бережное отношение к девственной природе и окружающей среде.

Одним словом, в поселении были созданы все необходимые условия для формирования подлинно гуманных отношений между людьми. Истинная цель этого метода — социальное изменение человека, а через него и общества в целом. Естественно, тогда подобный эксперимент в условиях США был невозможен.

На тот период «храм» объединял в общей сложности уже более 20 тыс. человек, из них около 1200 находились в Гайане, и был одной из самых быстрорастущих и развивающихся общественных организаций США. Чистый годовой доход гайанской коммуны, который складывался из пенсий, пособий, личных сбережений, добровольных взносов, благотворительных пожертвований и прибыли от реализации готовой продукции (мебели, бытовых товаров, сувениров, продовольствия) составлял около 1 млн долл. На счетах в швейцарском банке хранились остальные средства в сумме 10 млн долл.¹³, что опровергало упреки и насмешки критиков относительно иждивенчества и финансовой недееспособ-

ности общины в целом. Вопреки многим наветам «храм» не был закрытой или изолированной организацией, а ее руководитель — затворником. В Джонстауне всегда радушно встречали и принимали гостей, туристов и случайно попавших к ним людей, с удовольствием знакомили с условиями своей жизни, труда и быта. Лица коммунаров всегда светились довольством и счастьем. В течение первого года там родились 30 детей.

Члены общины установили дружеские отношения с местными индейцами, учились у них искусству выживания в условиях джунглей, знакомили их со своими навыками и опытом, делились семенами и рассадой выведенных в лаборатории новых сортов сельхозкультур, предназначенных для тропиков, оказывали аборигенам безвозмездную медицинскую помощь.

На общих собраниях, где всегда царила демократия, наряду с рассмотрением текущих вопросов определенное внимание уделялось трактовке и обсуждению наиболее важных мировых событий, анализу международной обстановки. Иногда по предложению присутствующих принимались коллективные политические обращения или заявления. «Народный храм» активно выступал против грубого вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских государств, поддержки Вашингтоном военных режимов в Парагвае и Чили, за признание Соединенными Штатами Кубы и отмены санкций против нее, за прекращение войны во Вьетнаме, выражал солидарность с южноафриканскими борцами против апартеида, с североирландскими повстанцами, антипиночетовскими силами, оказывал помощь чилийским беженцам, жертвам расовой и политической дискриминации в Африке, содействовал проведению кампании за освобождение Анжелы Дэвис и других осужденных членов леворадикальных группировок. Община проявляла живой интерес к опыту СССР, других стран. При открытии собраний в зависимости от тематики звучали гимны Гайаны или США, при закрытии — «Интернационал» либо гимн Советского Союза в хоровом или музыкальном исполнении. По утрам при подъеме, а вечером при отбое проходила церемония поднятия и спуска американского флага.

Коммуна осуществляла активные контакты с местным дипкорпусом, радушно принимая у себя его представителей. Со своей стороны, иностранные дипломаты нередко приглашали членов общины на посольские приемы и культурные мероприятия. Как правило, «западники» весьма скептически относились к существовавшим в Джонстауне порядкам. Сотрудники посольства США вообще рекомендовали нам прекратить всякое общение с «храмом». Наши же коллеги из соцстран, наоборот, не скрывали положительных эмоций от встреч с коммунарами. В 61-ю годовщину Октябрьской революции советское посольство получило от руководства общины очень теплое и проникновенное послание.

Для поддержания постоянных связей с официальными гайанскими властями в Джорджтауне было учреждено и круглосуточно действовало представительство «народного храма». Руководители государства оказывали общине всяческое содействие. Они ценили то, что Джонс, контактируя с местными гражданами на разных уровнях и объясняя им суть своей подвижнической деятельности, а также устремления коммунаров, в какой-то степени объективно отвлекал часть недовольных политикой правительства от забастовочных действий и протестных выступлений, направляя тем самым в русло созидания их «негативную» энергию, и гасил ее, чем как раз и вызывал недовольство оппозиционной РРР. Пристальное внимание деятельности и жизни американских поселенцев уделяли местные проправительственные СМИ. Они призывали перенимать и

распространять опыт коммунаров: освоение территорий, занятых джунглями, создание соответствующей инфраструктуры. Увеличение производства продуктов питания и предметов первой необходимости считалось тогда одним из важнейших приоритетов политики государства.

Однако, как впоследствии стало известно, давно завербованные и внедренные в общину агенты американских спецслужб (что не составляло особого труда в условиях полного доверия и открытости между коммунарами), внешне всеми способами демонстрируя преданность Джонсу и его делу, тайно направляли в свои центры, в том числе через посольство США в Джорджтауне, совершенно иную информацию. На ее основе американские СМИ, как правило, со ссылками на безымянные источники использовали, говоря современным языком, типичные «черные» политтехнологии, широко оповещая население страны о «фактах» беззакония и бесправия, насильственного удержания желающих покинуть общину, диктаторских замашках лидера и его приспешников, об их моральной развращенности, нещадной эксплуатации подростков и детей, о практике растления малолетних... Джонстаун характеризовался как концлагерь для рабов с непосильным принудительным трудом, тяжелыми казарменными условиями, где якобы превалирует беспрекословное подчинение лидеру, а непокорных содержат в карцере, где к ним применяют психотропные препараты для воздействия на их поведение. Зачастую подобные сообщения завершались апокалиптическим предупреждением: «В целом контингент находится под угрозой массового самоубийства, и первыми жертвами станут те, у кого раньше сдадут нервы»¹⁴.

Надо сказать, что подобная информация стала появляться чаще и еще более активно муссироваться в США, как только Джонс, почувствовав предательство, начал через своих людей, а затем и лично зондировать в советском посольстве возможность поэтапного переезда общины, разумеется, за ее счет, в Советский Союз с целью уберечь всех тех, кто верит ему и связал с ним свою судьбу. Он также хотел пройти в СССР медобследование и курс лечения, поскольку не мог в тот период поехать в США, опасаясь за свою жизнь. Просьба была подкреплена соответствующими документами¹⁵.

С другой стороны, получив столь «тревожные вести» из Гайаны, близкие и друзья коммунаров в Соединенных Штатах довольно скоро создали на общественных началах так называемый «комитет озабоченных родственников» для содействия скорейшему возвращению на родину «невинно страдающих». Члены комитета, помимо публикации возмущенных заявлений, стали непосредственно обращаться к центральным и местным властям, а также в судебные инстанции США с требованием ускорить вызволение родных, «попавших в кабалу».

Такого рода совокупный нажим на «храм», в том числе через СМИ, все больше усиливался по мере того, как в Москве начали всерьез рассматривать просьбу руководства общины о возможности ее переезда в СССР, согласовывать конкретные сроки и повестку дня переговоров по этим вопросам, намеченных предварительно на ноябрь-декабрь 1978 г., о чем советское посольство конфиденциально информировало Джонса через рекомендованных им лиц¹⁶ и что, скорее всего с помощью осведомителей, становилось известно диппредставительству США. Там с большим неудовольствием воспринимали эту информацию, равно как и весть об активизации изучения взрослыми поселенцами русского языка, о периодическом просмотре ими

советских кинофильмов и чтении политической литературы, которые они получали в нашем посольстве по официальным каналам, что было нормальной дипломатической практикой в общении с местными официальными организациями, тем более согласованной с соответствующими гайанскими властями. Несомненно, «масла в огонь подлило» и вызвавшее крайнее раздражение Вашингтона сообщение о том, что коммуна готовится возбудить судебное дело с предъявлением иска на сумму в несколько миллионов долларов целому ряду правительственных спецучреждений США, которые, по данным «храма», готовили заговор с целью его уничтожения. В этот же список входило и министерство почт, занимавшееся по заданию американских разведорганов перлюстрацией корреспонденции коммуны¹⁷.

Следует добавить, что еще в 1977 г. американские спецслужбы планировали насильственный вывоз из Джонстауна детей поселенцев, чтобы вынудить их родителей вернуться на родину, что автоматически означало бы самоликвидацию общины. Но по каким-то причинам этот план сорвался. Вскоре США начали ставить вопрос перед гайанским руководством о прекращении деятельности «храма» и выдворении его из страны, на что правительство Бернхема, несмотря на проамериканский настрой некоторых его членов, не пошло. Тогда с привлечением спецагентов Джеймса Кобба-младшего и Тимоти Стоуна были сфабрикованы две фальшивки. В первой, от 22 июня 1978 г., адресованной Верховному суду США с просьбой разобраться и принять меры, утверждалось, что якобы 18 апреля того же года «народный храм» в своем заявлении для печати сообщил о единодушном решении его членов коллективно покончить с собой. И хотя такого заявления или решения и в помине не было, эту ложную информацию немедленно довели до сведения госдепартамента, всех сенаторов, конгрессменов и информагентств. Во второй фальшивке Джонс обвинялся в том, что он будто бы насильственно препятствует желанию членов общины покинуть ее, используя для этого различные методы физического и морального давления¹⁸. Иными словами, американцев и жителей многих других стран уже заранее готовили к возможности реализации «идеи массового самоубийства».

В складывающейся ситуации авторитетный конгрессмен-демократ Лео Райан, в четвертый раз избранный от штата Калифорния, с одобрения палаты представителей и с учетом того обстоятельства, что большинство членов «народного храма» — его избиратели, объявил о готовности поехать в Гайану, чтобы на месте ознакомиться с положением дел и подготовить соответствующие предложения. Он считался приверженцем левых либеральных взглядов и уже имел в тот период некоторые неприятности с консервативными и реакционными кругами на почве своих выступлений против расовой дискриминации и сегрегации. Хотя Райан заранее получил несколько десятков писем, в том числе анонимного характера, с серьезными предупреждениями не лететь в Джонстаун, он как человек принципиальный решил не откладывать поездку, о чем сразу же стало известно общине.

В тот период атмосфера в коммуне была достаточно нервной. Большинство ее членов не знали, кто среди них «жалобщики» и «осведомители», чего они хотят и добиваются. Естественно, возникали тревожные вопросы: как будет проходить встреча с конгрессменом, каковы могут быть ее результаты и последствия... Нагнетали страсти и американские СМИ, о чем тут же становилось известно коммунарам. Свое отношение к складывающейся ситуации руководство «храма» изложило в двух пресс-релизах, дав принципиальную оценку

попыткам извратить положение дел в общине. Одновременно излагались условия приема конгрессмена в поселении, с чем тот немедленно согласился.

Далее события развивались, как в жутком детективе или фильме ужасов, судя по рассказам и описанию оставшихся в живых очевидцев и авторов книг «Самый сильный яд» адвоката «храма» Марка Лэйна и «Гайанская бойня» журналиста Чарльза Краузе, несмотря на то, что рукопись последнего не только тщательно отредактировал, но и фактически переписал сотрудник ЦРУ Питер Оснос, который в то время работал редактором международного отдела газеты «Вашингтон пост»¹⁹.

Прибывший в Гайану 14 ноября 1978 г. в сопровождении своей помощницы, группы корреспондентов и представителей «комитета озабоченных родственников» Л.Райан имел ряд встреч с руководителями страны, в ходе которых, как потом стало известно, услышал самые лестные отзывы о «народном храме», что в корне отличалось от рассказанного ему ранее сразу же по приезде в американском посольстве.

Через три дня на небольшом зафрахтованном самолете вместе с сопровождавшими лицами (помощницей, представителем гайанского министерства информации, заместителем главы посольства США, восьмью американскими журналистами и четырьмя членами «комитета озабоченных родственников») конгрессмен вылетел в Порт-Кайтуму, где была ближайшая от Джонстауна (примерно в шести милях) взлетно-посадочная полоса. Там гостей тепло встретили и повезли к месту расположения общины. Отказано в гостеприимстве было лишь одному журналисту за порочащую «храм» публикацию в газете «Нэшнл инкуайер».

Уже по дороге Райан и его спутники обратили внимание на красоту окружающей природы. Приятное впечатление производили дома. Все было исполнено спокойствия и порядка, выглядело идилично. Никто не казался изможденным, умирающим от голода. Наоборот, каждый выглядел здоровым и жизнерадостным. Черные и белые дети дружно и весело играли друг с другом. Вокруг поселения не было ни забора, ни ограды. Уйти из него не составляло никакого труда. Только при въезде в коммуну стояли арка с надписью «Джонстаун» и будка для невооруженного дежурного.

Конгрессмен имел возможность поговорить со всеми, с кем хотел, и с ним могли побеседовать все желающие без каких-либо ограничений. Он также внимательно осмотрел основные объекты инфраструктуры, жилые помещения, школу, детсад, медпункт, был приятно удивлен большим количеством прекрасных специалистов. «Народный храм» никак не походил на организацию религиозных фанатиков. Наоборот, во всем просматривались законные и благородные цели, рациональные способы их достижения. Аналогичное мнение сложилось и у большинства представителей «комитета озабоченных родственников». При встрече с коллективом общины Райан произнес краткую, но весьма проникновенную речь, горячо встреченную коммунарами, и заверил их, что полученные им приятные впечатления донесет до членов конгресса и выскажет публично.

18 ноября к отъезжающему конгрессмену присоединились только две семьи, причем одна из женщин открыто заявила, что покидает общину с большим сожалением, исключительно под давлением мужа и при первой возможности собирается вернуться. Это обстоятельство потребовало вызова еще одного самолета, поскольку первый не смог бы вместить возросшее число пассажиров. Пожелал покинуть поселение под видом сопровождающего гостей охранника и

Л.Лэйтон, как позднее выяснилось, агент ЦРУ и наемный убийца. Он провокационно выкрикнул: «Джонс сошел с ума и хочет уничтожить членов делегации!». Однако никто всерьез не воспринял эту нелепость. Гораздо серьезнее оказался другой инцидент. Перед самым отъездом Райана из общины к нему сзади подбежал незнакомец и, грязно выругавшись, обхватил его шею рукой, приставив нож к горлу. Но стоявшие рядом мужчины успели вырвать оружие из рук нападавшего. Джонс распорядился задержать покушавшегося и немедленно сообщить о случившемся гайанской полиции.

В Порт-Кайтуме произошли еще более драматичные события. Подготовленному к вылету в Джорджтаун частному самолету неожиданно преградили путь грузовик и трактор с прицепом. Одновременно с противоположной стороны на взлетную полосу выскочили трое неизвестных. Один из них ловким приемом обезоружил гайанского охранника и тут же открыл стрельбу по пассажирам. Двое других немедленно подключились к нему. Расстреливали почти в упор. Погибли все, кто положительно отзывался о «храме» и собирался донести свои впечатления до направившей их стороны, — Райан, трое фото- и телекорреспондентов, отснявших большое количество кадров за весь период пребывания в коммуне вплоть до последней секунды своей жизни... Была тяжело ранена помощница конгрессмена. Ранения различной степени тяжести получили еще семь человек, включая американского дипломата: его руку слегка задела шальная пуля. Видя происходящее, пилот второго стоявшего на взлетной полосе частного самолета, в котором разместились «озабоченные родственники» и две присоединившиеся к ним семьи, попытался взлететь. Но находившийся в салоне Лэйтон выхватил спрятанный пистолет и открыл стрельбу по тем, кто высказывался в пользу организации поселенцев, убив двоих и ранив нескольких человек, пока не заклинило оружие и его не вырвали из рук убийцы. Самолет с простреленным фюзеляжем и погибшим пилотом остался на месте.

Что же в это время происходило в Джонстауне? После отъезда конгрессмена Джонс объявил вечерний общий сбор членов коммуны, чтобы рассказать об итогах пребывания высокого гостя, обсудить текущие дела и предстоящие задачи. Между тем в джунглях вокруг поселения уже скапливались и сосредотачивались силы нападения. Их заранее доставили в Порт-Кайтуму двумя военнотранспортными самолетами «С-141» с американских военных баз в Панаме и Довере (штат Делавер, США) и тремя вертолетами с территории Венесуэлы под видом туристов, желающих осмотреть окрестности и природные достопримечательности. Десантники должны были вступить во взаимодействие с заранее переброшенными в назначенное место наемниками. Внутренней агентуре надлежало создать панику в общине и обеспечить скрытное продвижение к поселению вооруженных групп, облаченных в маски и противогазы. Неизвестно, кто руководил всей этой операцией. Загадочно и другое: вечером того же дня местная радиостанция неожиданно перешла на передачу и прием кодом, что нарушило всю радиосвязь между коммунарами.

В 19.30, когда уже наступила кромешная тропическая тьма, в Джонстаун вернулся старший приемный сын главы общины Джонни, провожавший Райана. Вбежав к себе в дом, он возбужденно поведал о случившемся в Порт-Кайтуме отцу и собравшимся у него нескольким членам руководства «храма». Известие потрясло присутствовавших. Завыла сирена. Мужчины бросились к складу с охотничьими ружьями и арбалетами. Но на окраинах поселения уже раздавались автоматные очереди. Началось массовое уничтожение незащит-

ных людей. Одним из первых выстрелом в голову был убит лидер общины. Погибли и все члены его семьи, кроме младшего сына Стефана, который находился далеко от поселения на встрече по баскетболу. (Кстати, его потом приучили к наркотикам, и он исчез из поля зрения.)

Когда стрельба стихла, в живых оставались еще около 400 человек, в основном женщины, дети и старики. Их в спешке собрали вокруг центрального павильона, затем разбили на группы примерно по 30 человек и под конвоем рассредоточили по всей территории поселения. Каждую группу выстраивали в очередь для приема «успокоительного» — смеси транквилизаторов с цианистым калием — явно с целью создания видимости добровольного и осознанного самоубийства. Однако, по определению медиков, «составители» зелья не учли одного обстоятельства: успокоительные средства не отдаляли мгновенной смерти, которую вызывал яд. Выпившие такой «коктейль» тут же падали и в судорогах умирали. Некоторые, правда, пытались отбиваться от принятия напитка. Таких убивали выстрелами в упор. Другим яд вливали насильно. Женщин держали за горло, лезвием кинжала разжимали зубы и вливали жидкость. Детям зажимали нос, и они сами открывали рот, чтобы дышать, одновременно глотая отраву. В ход пошли и одноразовые шприцы. Людей принуждали ложиться на землю лицом вниз и делали укол прямо через одежду. Тех, кто пытался бежать, расстреливали на месте. Затем трупы уложили штабелями для предполагаемого сожжения. Последними были уничтожены домашние животные...

Следует добавить, что как только о расправе стало известно в постпредстве «храма» в Джорджтауне, обе его сотрудницы, почувствовав трагизм положения, успели в тот же вечер завезти в советское посольство на хранение увесистый кейс с финансовыми документами общины и гайанскими долларами. Как они пояснили, деньги все равно предназначались для перевода во Внешторгбанк СССР с целью открытия счета коммуны перед ее переездом в Советский Союз. Посетительницы были крайне встревожены и не исключали нападения на свой офис. Их предчувствия оказались ненапрасными. Одну из них — Шэрон Амос вместе с тремя ее детьми за несколько минут до прибытия (по вызову) усиленного наряда гайанской полиции зарезал ворвавшийся в постпредство морской пехотинец Ч.Бейкман, внедренный в свое время в «народный храм». Второй сотруднице удалось спастись. Словом, после гайанской «варфоломеевской» ночи в живых остались лишь около 80 коммунаров, которые при первых звуках стрельбы успели скрыться в джунглях или временно отсутствовали.

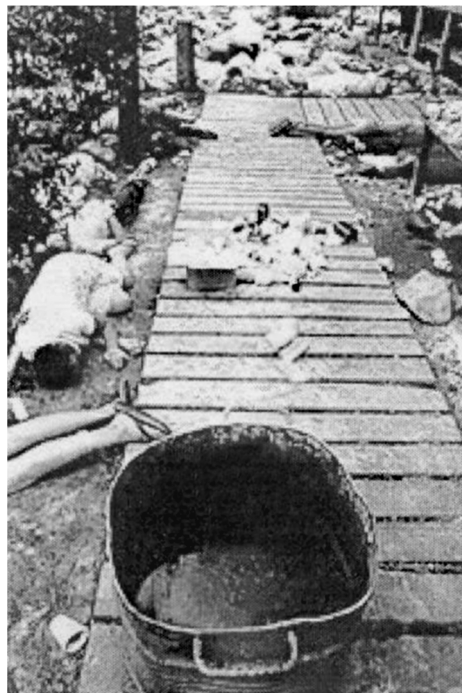
Организаторам побоища понадобилось двое суток на декорирование фальшивыми уликами сцены «массового самоубийства», после чего к месту событий были допущены журналисты, которые с разных ракурсов отсняли груды трупов, знаменитый металлический бак «из-под отравы» и на основе словесных комментариев представителей американского посольства распространили на весь мир «подробности массового самоубийства фанатичных сектантов». Причем некоторые корреспонденты утверждали, что Джонс, первым выпив яд, призвал остальных последовать его примеру; другие уверяли, что он отравился последним, увидев массовое и добровольное самопожертвование, в то время как уже было установлено, что он погиб от выстрела в голову... Как предельно точно засвидетельствовал доктор Н.М.Федоровский, «все, что написано о Джиме Джонсе и его общине в американской прессе и перепечатано затем на страницах многих других западных газет, — сплошной и злонамеренный вымысел. «Самоубийцы», «религиозные фанатики», «сектанты», «депрессивные маньяки» — вот те ярлыки, ко-

торые западные пропагандисты очень усердно пытались наклеить на мечтателей-энтузиастов, начавших строить в джунглях Гайаны пусть в чем-то наивный, но честный, бескорыстный и благородный мир для всех обездоленных и исковерканных жизнью американцев. И именно этого «кто-то» не мог и не хотел им простить»²⁰.

Руководство, многие политические, общественные деятели и парламентарии Гайаны в резкой форме высказали возмущение совершенным на их земле кровавым злодеянием с незаконным применением оружия и боеприпасов. Профсоюзы призвали к созданию независимой комиссии по расследованию всех обстоятельств гибели коммунаров. Орган правящей партии PNC еженедельник «Нью нэйшн» охарактеризовал это событие как «заговор против свободы и свободомыслия». В передовой статье на эту тему говорилось: «Стремление столь многих людей поменять комфорт родины на гайанскую глубинку ущемляло хваленый американский образ жизни. Успех переселенцев вызывал все больший гнев и недовольство правящих кругов США, следствием чего и стало уничтожение общины»²¹. Газета оппозиционной PPP «Миррор», осудив бесчеловечную акцию американских спецслужб, обвинила гайанское правительство в предоставлении «народному храму» фактически прав экстерриториальности, что вывело его из-под контроля со стороны местных властей и в конечном итоге привело к многочисленным и бессмысленным человеческим жертвам»²².

Недовольство самовольными действиями американского командования, которое направило в Гайану военно-транспортные самолеты с авиабаз, расположенных на территории Венесуэлы и Панамы без предварительного уведомления их соответствующих национальных служб, выразили представители правительств указанных государств.

А Вашингтон тем временем дал отмашку своей пропагандистской машине продолжать работу на полных оборотах в пользу версии о массовом самоубийстве фанатичных сектантов, которые якобы по призыву своего демонического лидера, иступленно молясь, собирались семьями, чтобы испить смертную чашу и вместе уйти в мир иной... В подтверждение этого множество раз по телевидению, на фотографиях в газетах и журналах, имевших миллионные тиражи, демонстрировались изображения металлического бака с «ядом» и лежавшие рядом груды тел. При этом их количество умышленно занижалось явно с целью смягчить информационный шок, и только под нажимом гайанских властей было названо истинное число жертв.

Декорированная сцена «массового самоубийства»

Вскоре США официально обратились к правительству Гайаны с просьбой разрешить им захоронить погибших в специально вырытом большом рве, с немедленной оплатой всех расходов. Джорджтаун отверг эту идею и стал настаивать на скорейшей эвакуации тел. Но американская сторона не спешила с этим и ничего не предпринимала для проведения соответствующего расследования, сконцентрировав все усилия на пропагандистском обеспечении чудовищного злодеяния.

В целях поиска своих четырех граждан, которые добровольно и давно примкнули к «храму», власти Гайаны на следующий день после трагедии поручили главному патологоанатому страны Лесли Муту вместе с адвокатом «храма» Марком Лейном, представителями армии и уголовной полиции выяснить, есть ли среди погибших гайанцы. Обнаружен был лишь один. Остальные трое, как потом выяснилось, успели скрыться. Одновременно осмотр подтвердил: подавляющее большинство людей погибли от пуль; некоторые — от отравления выпитым ядом; остальные — от инъекции яда, причем ее следы были обнаружены в тех местах, куда человек не в состоянии сам себе сделать укол, в частности на спине; трупы аккуратно уложены в штабеля и отнюдь не по родственному принципу, как утверждалось, а по-военному — в строгом порядке (голова к голове лицом вниз, руки по швам), чего не могло быть сделано без участия других лиц.

Между тем в условиях жаркого и влажного тропического климата уже через несколько дней тела стали разлагаться до неузнаваемости. И только после этого американцы начали их вывозить в специальных пластиковых мешках на военно-воздушную базу в Довере, где трупы были сожжены в условиях строжайшей секретности.

Лишь 30 ноября (обратите особое внимание на эту дату!) в Гайану, наконец, прибыла группа сотрудников ФБР для проведения расследования убийства Райана и деятельности «храма», но результаты ее работы не были обнародованы. Как впоследствии выяснилось, не было проведено надлежащего дознания случившегося и допроса свидетелей, огромное количество фото- и телекадров, отснятых погибшими корреспондентами, засекретили и отправили в Вашингтон. Произошедшее в Джонстауне активно обсуждалось и на закрытом заседании спецкомиссии Конгресса США, однако официальной информации о дебатах и их итогах так и не последовало.

Решением муниципального суда Сан-Франциско «народный храм» как организация был распущен без права воссоздания, и его члены рассеялись по территории США и континента. Против некоторых из них были совершены акты насилия, другие подверглись незаслуженной расправе. Готовившего заявление для печати по поводу гайанской трагедии мэра Сан-Франциско Дж.Москоне и помогавшего ему сотрудника городского управления Х.Милка застрелили в своих рабочих кабинетах «неизвестные лица». Что касается Бейкмана и Лейтона, против которых магистратский суд Джорджтауна выдвинул обвинения в убийстве на территории Гайаны семи человек, включая Райана, и ранении еще нескольких лиц, то надо сказать, что первого американская «фемид» признала невменяемым, а второго — невиновным и отпустила на свободу. Словом, пострадали лишь те, кто помогал Джиму Джонсу и сотрудничал с ним. (Правда, спустя несколько лет Лейтона под нажимом родственников и друзей убитого им конгрессмена все же приговорили к пожизненному заключению, но ни название тюрьмы, ни ее адрес так и не были обнародованы.)

Согласно договоренности между СССР и Гайаной и по поручению Москвы, кейс с документами и валютой, оставленный для сохранности в советском посольстве представительницами общины, был передан по акту в конце ноября того же года автором этих строк шефу протокола гайанского МИД Ниллу Стори.

Что же стало впоследствии с Джонстауном? По распоряжению гайанского правительства там была проведена инвентаризация всего имущества, создана специальная администрация по управлению территории и поддержанию на ней хозяйственной деятельности, открыт полицейский участок. Но несколько лет спустя в поселении случился сильный пожар, уничтоживший почти все строения. В отсутствие людей джунгли достаточно быстро заполнили пустоту...

Итак, вопреки американской официальной версии, подхваченной большинством зарубежных СМИ, гайанская трагедия не имела ничего общего с безумным обрядом религиозно-зомбированных сектантов, якобы совершивших ритуальный обряд массового самоубийства в ответ на демонические заклинания своего главаря. В действительности же, как подтверждено свидетелями и признано авторитетными исследователями, это было тщательно спланированное и хладнокровно реализованное спецслужбами США варварское истребление почти тысячи соотечественников, «вина» которых состояла лишь в том, что, будучи изгоями на своей родине, они под руководством харизматического лидера сумели цивилизованным путем при содействии властей приютившей их страны создать для себя на чужбине достойные человека того времени условия жизни и труда.

Официально зарегистрированная как религиозная община, без чего ее деятельность на территории США была бы невозможна, она в дальнейшем стала организацией политических протестантов нового типа, постепенно трансформировавшись в социалистическую коммуну атеистов, не допуская в то же время какие бы то ни было революционные помыслы и тем более действия. И все же ее пример, дела, осуждение ею внутренней и внешней политики Вашингтона не более чем в рамках действий обычной оппозиции, однако в период активизации на континенте идей кубинской революции, национально-освободительного движения и борьбы латиноамериканских народов за право выбора своего пути развития вызывали в правящих кругах США раздражение, возмущение и негодование.

Главными же причинами для расправы с коммуной, несомненно, стали ее решимость эмигрировать в Советский Союз и подготовка к официальному предъявлению многомиллионного судебного иска по обвинению американских спецслужб и некоторых других правительственных учреждений в подрывной деятельности против «народного храма», что в совокупности было чревато для Вашингтона непредсказуемыми и далеко идущими политическими, юридическими и финансовыми последствиями. Как отмечает И.Р.Григулевич в упомянувшейся выше книге, «...в джунглях Гайаны истребили людей, для которых права человека прежде были химерой и стали реальностью только после разрыва с американской системой. Политических беженцев из США убили за брошенный ими вызов бесправию и произволу»²³.

С другой стороны, американские коммунары знали о Советском Союзе в основном понаслышке, видели его с парадно-глянцевой стороны, верили активной политической пропаганде. И еще неизвестно, как восприняли бы они, в случае переезда в СССР, нашу тогдашнюю действительность — партийный

прессинг, идеологическое единомыслие, всеобщий дефицит, суровый быт, бездорожье, небогатое жилье в «коммуналках», — и какая могла бы быть их реакция на все это.

Но нет никаких сомнений в том, что своей стойкостью и мученической смертью наряду с активными действиями многих предыдущих и последующих борцов за расовое равноправие прихожане «народного храма» внесли особый, жертвенный вклад в дело борьбы за отмену в США позорной расовой дискриминации и сегрегации, за принятие демократического законодательства в данной сфере. Серьезным шагом по пути этих перемен, безусловно, стало возникновение в стране новой политической ситуации, позволившей впервые в истории Соединенных Штатов избрать президентом страны человека с другим цветом кожи — Барака Обаму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.Ф.Алинин, Б.Г.Антонов, А.Н.Ицков. Гибель Джонстауна — преступление ЦРУ. М., 1987 г.

² The Herald Bulletin. Anderson, 16.XI.2008; The Star-Ledger. Newark, 16.XI.2008; States News Service, 16.XI.2008; The Associated Press State and Local Wire, 19.XI.2008.

³ В.А.Ткаченко. М.Дем.Джим Джонс — демон Гайаны. — Новые книги за рубежом, 15.XI.1980, № 21, с. 25—26.

⁴ The San Francisco Chronicle, 17.XI.2008, 19.XI.2008; Chicago Sun Times, 18.XI.2008; The Washington Post, 19.XI.2008; The Herald Bulletin, 16.XI.2008.

⁵ The San Francisco Bay Guardian, 31.III.1977.

⁶ People's Forum, October, 1977, N 5.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ The San Francisco Examiner, 21.I, 28.II.1976.

¹² The San Francisco Bay Guardian, 31.III.1976.

¹³ Oakland Tribune, 7.VII.1977; The Sacramento Bee, 4.VIII.1977; The Washington Star, 16.II.1978; Guyana Chronicle, 14.IV.1978; The San Francisco Sun Reporter, 24.VIII.1978.

¹⁴ Oakland Tribune, 7.VI.1977; The Sacramento Bee, 4.III.1977; The San Francisco Chronicle, 18.II.1978; The Washington Star, 16.II.1978; The Sun Reporter, 15.VI, 24.VIII.1978; The San Francisco Sun Reporter, 24.VIII.1978.

¹⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. 700, оп. 17, п. 5, д. 5, л. 24—25.

¹⁶ Там же, ф. 755, оп. 4, п. 5, д. 4, л. 158—161.

¹⁷ The San Francisco Sun Reporter, 5.X.1978.

¹⁸ С.Ф.Алинин, Б.Г.Антонов, А.Н.Ицков. Указ. соч., с. 117—118.

¹⁹ M.Lane. Strongest Poison. 1979; Ch.A.Krause, L.M.Stern, R.Harwood and the Staff of The Washington Post. Guyana Massacre: The Eyewitness Account. New York, 1978.

²⁰ Свидетельства доктора Н.М.Федоровского. См.: С.Ф.Алинин, Б.Г.Антонов, А.Н.Ицков. Указ. соч., с. 161.

²¹ New Nation. Georgetown, 26.XI.1978.

²² Mirror. Georgetown, 21.XI.1978.

²³ С.Ф.Алинин, Б.Г.Антонов, А.Н.Ицков. Указ. соч., с. 223.